

Место и роль судебной власти в государственно-правовой системе: научная доктрина и практика

Формирование новых устоев российской государственности в последние полтора десятилетия годы, связанные с переходом от социалистической к демократической системе управления обществом, вызвали к жизни потребность в глубоких и серьезных исследованиях в сфере осуществления государственной власти и судебной власти, в том числе.

Поскольку в рамках общего реформирования системы государственного управления в России провозглашены новые ценности правового гуманистического характера, предприняты попытки создания реальных механизмов, которые были бы способны не допустить узурпации власти и использования её в тоталитарном либо олигархическом формате, влекущем нарушение прав и свобод, произвольное распоряжение ресурсами и будущностью миллионов россиян. Один из основных механизмов в этой системе механизмов властвования — разделение власти между тремя ее ветвями — законодательной, исполнительной и судебной.

Конституция Российской Федерации 1993 года впервые в российской истории закрепила как государство образующий принцип разделения власти и провозгласила самостоятельность органов из трех ветвей власти. Статья 10 определила: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Соответственно, российская правовая наука, разрабатывая и обосновывая модель российской государственности, во главу угла ставит принцип разделения властей. Поэтому учитывая его конституционное закрепление и нормативное воплощение в действующем законодательстве, регламентирующем организацию и деятельность органов государственной власти, можно с уверенностью утверждать, что доктрина разделения властей в российской государственности является официально признанной в современной отечественной науке и практике.

Как известно, начало этой доктрины положено в трудах известнейших ученых прошлого и современности. Еще древнегреческий мыслитель Аристотель своей книге «Политика» писал: «Там, где отсутствует власть закона, нет места и форме государственного строя». Государственно-правовые институты древней Греции и Рима оказали заметное влияние на становление и развитие более поздних прогрессивных учений о правовом государстве и системе разделения властей в нем.

Позднее, в период разложения феодализма, идеи правового государства наиболее активно пропагандировали прогрессивные мыслители того времени: Н. Макиавелли, Ж. Боден и другие. Исключительно важным для них было доказать преимущества республики с разделением властей перед другими формами государства. При этом главным принципом и назначением всего государственного аппарата они провозглашали обеспечение прав и свобод граждан.

Новый виток в развитии идей государственности с разделением власти и системой сдержек и противовесов наблюдается в период ранних буржуазных революций. В развитие концепции разделения властей на этом этапе значительный вклад внесли Г. Гроций, Б. Спиноза. Г. Гобс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, Т. Джефферсон.

Если рассматривать значимость тех или иных доктринальных трудов в обосновании и развитии названной системы, то одним из первых научных трудов, в котором наиболее подробно обосновывалась концепция разделения властей, можно считать работу Дж. Локка, который утверждал, что главная угроза свободы состоит в неразделенности власти, в ее сосредоточении в руках абсолютного монарха, самостоятельно устанавливающего законы и принуждающего к их исполнению. Мыслитель полагал, что власть по принятию законов и власть, но их исполнению должны быть разделены, при этом законодательная власть образует «первую ветвь власти».

Интересно заметить, что на первых этапах становления доктрины разделения властей судебная власть практически не рассматривалась в качестве отдельного элемента в системе ветвей государственной власти как равноценная составляющая управленческого механизма наравне с законодателем и правителем (управленец, исполнитель законов).

Наиболее приближенной к современному пониманию теория разделения властей становится уже в начале восемнадцатого века, когда в трудах известного французского мыслителя Ш.-Л. Монтескье получают оформление её идеи в наиболее четком и практически реализуемом виде. Ш.-Л. Монтескье еще в 1721 году в своих «Персидских письмах» в сатирической форме осуждал неограниченную монархию во Франции и писал о необходимости создания специального государственно-властного механизма, направленного на ее ограничение. Как известно, в 1748 году Ш.-Л. Монтескье публикует свой знаменитый труд «О духе законов», работа над которым шла около 20 лет. Именно в этом труде известный французский мыслитель помимо критики абсолютизма он противопоставляет этой форме государственного правления республиканское государственное устройство с разделением властей.

Обосновывая предлагаемую систему управления обществом, мыслитель делит власть на три ветви: законодательную, исполнительную, судебную, которые должны были бы уравновешивать друг друга, не допускать бесконтрольных действий каждой из них.

«Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг-друга... Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, т. к. можно опасаться, что монарх или сенат будет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их... Не будет свободы..., если судебная не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем».

Можно с известной долей уверенности утверждать, что в названном фундаментальном научном труде практически впервые суд выделяется как отдельный, самостоятельный и независимый орган государственной власти и обосновывается необходимость его полного отделения от других ветвей власти. Совершенно очевидно, что мыслитель

совершенно однозначно пришел к выводу о том, что в системе разделения власти должна быть такая ветвь, которая имела бы полномочия контрольного характера в отношении других ветвей и она при таких условиях, конечно же, должна быть равной по статусу, равноправной по своему потенциалу с другими ветвями государственной власти.

Полагаем, что в названном исследовании нельзя не увидеть четких контуров системы, в которой суд занимает в государственно-правовой системе место равное с властью, устанавливающей для социума правила поведения (законодатель) и властью, призванной исполнить эти предписания законодателя (исполнительная власть, администрация).

Нельзя абстрагироваться от того, что первичным посылом этой идеи была мысль о том, что суд должен применять закон, написанный парламентом к конкретным жизненным случаям. При этом недопустимо суду самому создавать закон для определенного случая, ибо это может привести к произволу. Поэтому современные дискуссии о судебном правотворчестве и нормотворчестве должны, безусловно, всегда принимать во внимание все аспекты доктрины разделения власти, в том числе и ее несомненный ценностный ориентир на исключение возможности дублирования полномочий друг друга различными ветвями власти и их взаимодействие в рамках системы сдержек и противовесов.

Таким образом, идея разделения власти, выдвинутая и обоснованная величайшими умами человечества, поставила суд в один ряд с законодателем и исполнительной властью и придала её полномочиям государственно-властный характер в системе управления обществом.

Однако теоретическое обоснование и практическая реализации в системе управления обществом отдельных государств — совершенно различные по своей правовой природе задачи. Практическое внедрение в систему управления обществом эта система получает лишь в конце восемнадцатого века. Так, исторически считается, что в полной мере доктрина разделения властей была впервые реализована в Соединенных Штатах Америки, после принятия Конституции 1787 года.

Западные государства оказались в большей мере приверженцами системы разделения власти и построения системы судебной власти, способной выступать в качестве полноценного элемента государственно-властного механизма управления обществом. Практически все современные государства, считающиеся прогрессивными и демократическими, восприняли идею разделения власти и утверждения суда в качестве отдельного качественно равноценного другим элемента государственно-властного аппарата. Восточные государства, в большей мере придерживающиеся традиционного взгляда на управление общественными отношениями значительно дольше (а некоторые и до сих пор) практиковали систему единовластия и принадлежности власти либо наследственным монархиям, либо единой системе органов (Советы, например).

Россия как традиционный приверженец единовластия подошла к окончательной готовности введения такой системы управления обществом лишь в конце двадцатого века. Однако это не означает, что прогрессивные идеи государственного устройства были вовсе далеки от нашей страны.

Наша страна традиционно славилась виднейшими умами человечества, в сфере управления обществом и построения государственности также нельзя не отметить блестящих исследователей, мыслителей и государственников прошлого и настоящего.

Так, утверждение доктрины разделения властей посредством приверженности идее правового государства происходило и в политико-правовой мысли российского общества прошлых веков. Блестящий представитель русской юридической школы М. М. Сперанский в 1803 году предложил проект преобразований российской государственности и обнародовал его в работе «Записка об устройстве правительственных и судебных учреждений в России», где предложил при Сенате создать законодательный, исполнительный и судный органы.

«Не имея собственной «силы» эти учреждения вес же могли бы помешать самодержцу обратить свою волю ко злу.» — основная мысль доклада. Затем М. М. Сперанский разрабатывает и предлагает проект конституции 1809 года, основным постулатом государственного устройства в котором вновь выдвигает идею разделения власти: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и конец сих сил народ: ибо он не что другое суть, как нравственная и физическая сила людей в отношении к общежитию».

Идеи разделения власти и введения в качестве элемента государственного управления судебной власти были развиты в трудах Писарева, Герцена, Чернышевского, Радищева, Пестеля, Муравьева и других видных деятелей российской науки и государственности.

Некую теоретическую завершенность русская концепция правового государства получила в произведениях известных русских правоведов и философов конца девятнадцатого - начала двадцатого века: Котляревского, Новгородцева, Муромцева, Гессена, Шершеневича, Чичерина, Бердяева.

Так, Б. Л. Кистяковский по этому поводу писал: «В конституционном государстве власть приобретает правовой характер. Основной признак правового государства заключается в том, что в нем власти положены известные границы, что она ограничена и подзаконна. Иной воли, нежели выраженной в правовых актах для государства нет».

Русские ученые внесли довольно значимый вклад в развитие идей правового государства и многие из них рассматривали в качестве основополагающей идею разделения властей с формированием в качестве отдельного элемента государственно-властного аппарата сильной и независимой судебной власти.

Тесно связанной и вытекающей из доктрины разделения властей является идея самостоятельности и равенства провозглашаемых в государственной системе законодательной, исполнительной и судебной властей. Как отмечено выше, самостоятельность и независимость суда как властного института утверждается в доктрине разделения властей в период её окончательного формирования. Эта идея получает развитие и утверждение в русской политико-правовой мысли XVIII—XIX веков.

«Отделение судебной власти от других властей, её независимость от них, является логически необходимым следствием своеобразного характера судебной функции по сравнению с функцией законодательной и административной» — пишет В. М. Гессен в

своей работе того времени. Огромное количество проектов реформирования суда, составленных и обоснованных видными учеными того времени, свидетельствуют об осознании научной мыслью несомненной важности и значимости данной идеи для государственности России.

Место и роль судебной власти выводились из природы суда, соотношения его полномочий с другими властями и, прежде всего, высшей самодержавной властью. Главные из них состояли в следующем: по существу своей функции, судебная власть должна быть отделена от законодательной, поэтому судебные учреждения обязаны решать подлежащие их ведению дела по точному разуму законов; в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия они обязаны основывать свое решение на общем смысле законов. Отнюдь не останавливая рассмотрения дел для их направления в законодательном порядке.

Отделение судебных функций от административных вытекает из их существа, отмечает исследователь. Основания и интересы юстиции имеют постоянное значение и стремятся к единству руководящей идеи, с другой стороны, основания и интересы администрации в высшей степени разнообразны и изменчивы: если там все решается неизменным правом, то здесь, прежде всего, необходимо принимать во внимание пользу и потребность интереса общественного, необходимые условия общей экономии.

Суд имеет право действовать только тогда, когда к нему вызывают с просьбою. Самостоятельная деятельность всегда принадлежит администрации.

Администрация требует от управляемых исполнения закона; она предупреждает нарушения законного порядка, а суд восстанавливает порядок, уже нарушенный, и определяет последствия его нарушения. При соединении администрации и суда в одних руках ничто не представляет ручательства в том, что каждая из них будет держаться в её естественных пределах. Поэтому решения административных властей по делам судебным всегда внушают к себе недоверие.

Всякое подчинение судебного места лицу или месту правительственному ослабляя высокое значение суда ограничивает право его применять законы «беспристрастно, несмотря на лица и не вникая ничьим требованиям и предложениям».

Самостоятельность судей одно из надежных ручательств в правильном отправлении правосудия и потому одно из главных условий хорошего судоустройства. Судья только тогда и может соответствовать своему назначению и пользоваться доверием общества, когда он поставлен в положение независимое; не может иметь никакого непосредственного начальника, который был бы вправе судить и аттестовывать о заслугах его в употреблении этой, переданной ему свыше власти.

«Суд, как необходимый в государстве орган правосудия, может достигнуть истинного своего назначения в том только случае, когда если он пользуется общим в государстве доверием: это доверие необходимо как самая твердая опора правительства, как основное условие общего в государстве спокойствия», — отмечает В. М. Гессен.

Идея государственно-правовой природы суда развивается и в механизме его взаимодействия с другими властями в контрольно-надзорном порядке. В. М. Гессен

пишет о необходимости введения административной юстиции, полномочной разрешать дела об обжаловании действий и актов других ветвей власти: «Не только в сфере гражданского оборота, но и в области публичного права возможен спор о праве — спор между властью и гражданином. И так же как всякий вообще спор о праве — спор о публичном праве подлежит разрешению суда. В правовом государстве и в области публичного права индивид вооружен не только правом жалобы по начальству, но и правом судебного иска...

По характеру своей функции административная юстиция принципиально отлична от активной администрации; между ними проходит грань которая отделяет вообще администрацию от суда. В существовании независимой административной юстиции — важнейшая гарантия неприкосновенности субъективных прав».

Другой известный русский правовед С. Л. Муромцев продвигает ещё глубже идею государственно-правового статуса суда, определяя его равенство с законодателем в системе общественного регулирования. Он, в частности, считал, что «...в здоровой государственной жизни суд творит так же, как и законодатель, только при помощи иных приемов. Суд озабочен применением закона, который сохраняет свои корни в юридической совести общества, но он столько же озабочен видоизменением закона, когда этот последний перестал уже казаться справедливым. Судья- законодатель, судья-проводник в жизнь тех начал, которые сознание общества объявляет справедливыми и естественными.».

Важность для общества названной идеи состоит в том, что «...независимость суда организует государственную жизнь, скрепляет её составные элементы, противодействует разрушительным тенденциям партийной, классовой, национальной борьбы», отмечал В. М. Гессен. И завершая свою работу, он писал: «последующим поколениям Судебные Уставы завещали истину, которой не изгадят ни никакие превратности судьбы: мощь государства — в независимости суда».

Указанные идеи формируют целостное и последовательное доктринальное представление о месте и роли судебной власти как отдельного, равноценного другим элемента государственно-правового механизма, что получает нормативное закрепление в Уставах Гражданского и Уголовного Судопроизводства 1864 года, которыми впервые в российской истории законодательно Верховная власть была полностью устранена от всякого участия в отправлении правосудия: жалобы на решения сената ни в коем случае не допускаются и не могут быть решаемы никем.

Дальнейшее развитие российской истории прервало движение в науки и практики в заданном направлении, идея разделения властей не была разработана и реализована в полной мере в российской науке и государственности прошлых веков, так и не сформировавшись в официальную государственно-правовую доктрину в советский период государственности.

Однако современное государственно-правовое устройство подтверждает, что, изложенная выше идея была воспринята в конституционной модели организации государственной власти в России конца XX- начала XXI века, ее научно-практическая модель в российской государственности активно разрабатывается современными учеными и практиками.

